

Владислав Ардалин

Славный
город

Белмуно

12+

Владислав Ардалин
Славный город Беллуно

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ардалин В. Я.

Славный город Беллуно / В. Я. Ардалин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-04839-3

Вы верите в легенды? Хотели бы вы хоть ненадолго оказаться в пышущей жизнью Долине Осени? Вам определенно нужно присесть на берегу шумной реки Ундины, вдохнуть покусывающий горный воздух и погрузиться в давно забытую всеми историю о славном городе Беллуно. Это рассказ о мимолетности бытия, о семье, и о настоящем горе, с сардонической усмешкой смотрящем на неизменность человека сквозь время. Это история о людях, чьи судьбы сплелись воедино и вылились в день, который многие запомнили надолго. В наше время уже мало кто верит в правдивость старой легенды, но кто знает, может, именно Вас посетят призраки давних событий?

ISBN 978-5-532-04839-3

© Ардалин В. Я., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

I	6
II	8
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владислав Ардалин

Славный город Беллуно

Когда вам лет 6–7 и вас просят нарисовать небо, вы берете кисть и машете ею, по верху своего листа, и небо у вас получается тонкой голубой полоской. Это легко и просто! Но потом приходит взрослый и говорит: «Да, все хорошо, но, понимаешь, небо должно быть везде: и за кроной деревьев тоже!». В этот день рушатся ваши иллюзии. Я стараюсь помнить о том моменте, о том небе... Вдохновение – жизнь в этом мире, который становится все более шокирующим, но которому мы принадлежим, как бы трудно это порой ни было. Наша задача – каждый день становиться чем-то большим. Надо обязательно рассказывать истории другу другу, друг о друге. Только так мы поймем, кто мы сами. В противном случае на нас можно ставить крест. Проблема в том, сможем ли мы принять все эти истории?

Алан Рикман

I

Есть такие истории, которые по началу кажутся нам весьма реальными, мы в них охотно верим и рассказываем каждому, что так все на самом деле и было. Потом, спустя некоторое время, эти истории медленно превращаются в легенды, затем в былины и сказки для детей, а в конце, спустя множество поколений и утерянного времени, просто во что-то отдаленное, настолько отдаленное, что люди, еще помнившие об этих историях, легендах, былинах и сказках, начинают сомневаться происходило ли все это на самом деле, а не являлось лишь чьим-то ярким сновидением.

Край земли. Над еще сонной и утренней Долиной солнце, игриво выглядывая из-за отрогов горных хребтов, начинает свой медленный восход, освещая непроницаемую чашу темного леса вместе с окутавшим ее густым утренним туманом. Здесь всегда Осень и от этого постоянный янтарный свет со всевозможными оттенками и вкраплениями ярко-красного, оранжевого и местами – от наличия хвойных в чащобе – густого зеленого, добавляет всей этой самой Долине вид совершенно волшебный и способный завладеть вниманием каждого: начиная от местных жителей, которые не перестают наслаждаться просторами свободы, и заканчивая теми, кто пребывает в Долину Осени впервые, по счастливой ли случайности или же по нужному поручению. Благодаря обширной реке Ундине, пронизывающей всю Долину начиная с заснеженных гор, проходя затем через боскет, медленно проползая будто удав в простилающиеся до горизонта поля и впадая в конце пути в бесконечные объятия обрыва Края – Долина Осени полна источников жизни, бьющихся родником по всей территории.

Стоит только пройти через горный перевал, являющийся официальным началом Долины, как перед каждым попавшем на эти земли откроются невероятные просторы, переполненные осязаемым вдохновением: неумолкающее пение птиц от утренних синиц до ночных сов; обычно бурный поток реки и шум водопадов, один из которых дает Ундине жизнь, а второй ее забирает, жадно поглощая каждую капельку падающую с Края в бездонную пустоту; а также дыхание чащи, насвистывающий ветер и любые возможные к представлению отзвуки природы, чудно гармонирующие с неспешным темпом Долины Осени.

Из четырех Долин она считается самой богатой и люди, живущие в ней, глубоко почищают сие факт, стараясь заботиться, прислушиваться и оберегать мир на их долю выпавший. То Осенние люди, и они расположились в своих маленьких уютных городках, разбросанных по расстилающейся ширине всей Долины. Города были маленькие по причине, которая не всегда представлялась очевидной, а порой и шла в разрез с принципами других Долин. Кто-то из вас может смело предположить, что маленькими они были всего лишь благодаря банальной игре случая, однако охотникам за правдой, этим любителям точности, устраняющей любые недосказанности, такой ответ справедливо покажется неудовлетворительным и даже нахальным. Другие из вас имеют право считать ограниченные размеры поселений результатом известной за свою трепетную скрупулезность любви Осенних людей к окружающей природе. Каждое их действие, будь то: возведение новой постройки в городе, прокладка железных путей, на данный момент не проводившаяся уже с сотню лет, или даже собирательство грибов и ягод в чащобе – всегда было основано в первую очередь на том, дабы не причинить критического, невосполнимого вреда Долине Осени. Если у жителей возникала необходимость в материале для своих новых архитектурных свершений, например, в древесине, то после сруба одного могучего ясеня или явора – сажали по два новых. Охота на диких животных была запрещена вовсе, даже городами, не имеющими местного скотоводства. Вы имеете право считать это причиной, но и она является скорее косвенной причастностью, нежели абсолютной правдой.

Истина же представлялась довольно банальной и происходила от одной древней интересной особенности, присущей лишь Долинам Осени и Зимы – скромное увеличение населения.

У людей этих Долин не было никакого стремления или оказываемого желания для обычных на то мотивов, в массовом рождении своего потомства, в частности из-за долгой продолжительности жизни и ее медленного темпа, уверенно отталкивающего от излишней суеты. Посему в этих двух Долинах уже как давно было установлено правило: в Осенней – негласное, в Зимней – официальное, стабильно наблюдавшее преуспеяние. Оно же и устанавливало размеры городков, делая нецелесообразным массовые расширения.

Всего поселений в Долине Осени было семь и каждое из них обладало своей выразительной уникальностью, которая, однако, состояла не в уникальности разных рецептур одного и того же бисквитного коржа для торта, но в их совершенном разнообразии видов, будь то: рыхлое песочное тесто, нежное и одновременно текстурное слоеное, карамельно-сладкое вафельное, воздушное белковое, сливочно-жирное заварное и хрустящее сахарное. Все они были абсолютно одинаково гармоничным и совершенным произведением кондитерского искусства, представляющим часть единого и еще большего торта, доказывая даже последним снобам и скептикам о возможности достичь апогея совершенства во всех своих начинаниях. На каждый из коржей, как и полагается после их выпекания, был нанесен сливочный крем из влиятельных семей – каждый корж своим и со своей процентной жирностью. Крем также дополняла фруктовая начинка, на этот раз из людей менее влиятельных, но таких же значимых и по количеству не уступающих семьям-основателям в следствии культурно-исторических факторов развития Долины Осени. Завершающим штрихом, делающим городки столь чудесными, была шоколадная помадка, формирующая готовый образ, облаченный культурным ореолом, подчеркивающий и освещающий архитектурные формы с одно-двух-этажными зданиями, каменными замками, железнодорожными станциями, часовнями, плантациями, пекарнями, мельницами, мастерскими и широкими улицами, где каждый был свободен в своем движении, не задыхаясь от быстрого темпа жизни, как в Долинах Лета и Весны.

Перемещение между маленькими городками не составляло особого труда и каждый пользовался либо надежными паровозами, либо мускулистыми лошадьми, которые бережно содержались в конюшнях каждого города. А между некоторыми из них – лежащими ближе всего друг к другу – путь возможно преодолеть вовсе пешком, что было несомненно дольше и опасней, но вызывало неподдельный интерес, особенно у первооткрывателей и неутомимых путешественников этих земель.

Среди этих незаменимых органов, соединенных между собой железными артериями, был, как и полагается согласно всем принципам управления, главный, носивший гордое название – Беллуно. В нем проживали самые уважаемые и значимые Осенние люди, перебравшиеся сюда с течением времени из своих фамильных поместий других городов. Вернее будет сказать, что проживали там не только самые уважаемые и значимые, но также и все остальные, однако, если самые уважаемые и значимые где-то и проживали на данный момент хода истории Долины Осени, то обязательно в Беллуно. Сложилось так от продиктованных временем древних традиций, требующих по одному представителю от каждой уважаемой и значимой семьи со всей Долины в одном месте для более быстрого и удобного способа решения задач. Выбор пал на славный город Беллуно, впоследствии вызвав череду переездов остальных членов семейств. Став таким образом самым главным у Осенних людей, ему предстояло впечатляюще преобразиться, и уже спустя несколько десятков лет он представлял из себя величественнейший город с развитым плодоводством, скотоводством и в меньшей степени производством зерновых. Окруженному превосходными лесами Беллуно не оставалось выбора, кроме как преуспеть в плотничестве, позволив значительно расшириться в размерах и завоевать титул самого большого города в Долине.

II

И вот в этом славном городе среди самых уважаемых и значимых Осенних людей живет пара обычных и не очень-то известных возлюбленных – Альберта и Герты, озабоченных хоть и не тяжкими проблемами, но неизбежными юношескими трудностями. Не смотря на тяжелую участь каждого из них на начало судьбоносного пути – эти двое смогли найти самих себя в этой жизни, но, что важнее, – сумели найти жизнь в самих себе. Герта еще будучи неполноправной владычицей своего тела и разума успела остаться сиротой после печального и нелепого инцидента у водопада близ Края. Предложение руки и сердца. Камень, падение. О, утрата! Утрата! По счастливым стечениям обстоятельств, после этого случая ее приютила к себе милая старушка, проявившая материнскую заботу и обеспокоенность к осиротевшему ребенку.

Эту милую старушку звали Элизой фон Дерихт, у которой на тот момент уже был любимый внук, оставшийся после ухода легкомысленных родителей, и возраст которой составлял приличные 280 лет, что для Осенних и Зимних людей было сроком не очень поздним и свет жизни к этому времени еще не успевал начинать свой стремительный цикл затухания. В то время как Летние и Весенние люди могли достигнуть подобной цифры лишь сложив вместе жизни своих четырех здоровых представителей. Элиза не подавала признаков старости, имела достойную осанку и обладала поразительно длинной, седой косой, спадающей с ее плеч до самой поясицы. Хотя столь поразительная свежесть была скорее внешней, чем внутренней, потому что по своим действиям, по своим рассуждениям и отсутствию блеска в глазах, обыкновенно горящему у людей молодых и амбициозных – бабушка Лиза только и делала, что не подавала признаков, пока признаки неизменно подавали себя.

Фамилия фон Дерихт всегда наполовину состояла из тяжелой несправедливости сплошных утрат. Перед появлением девочки предназначенной Элизе судьбой, у нее внезапно умер муж, страдавший несколько лет к тому моменту тяжелой болезнью. Он был не первым родным, ушедшим из ее жизни, к тому же строго обозначивший печальный исход еще на ранних стадиях своего недуга. На первых порах Элиза пыталась бороться с его болезненной хандрой, мотивируя смешливым годовалым малышом Альбертом, которого они воспитывали одни с момента его рождения. Но через пару недель стало ясно, что супруг сдался. Поэтому, когда он умер, старушка Лиза приняла смерть как данность, и уже через месяц приютила к себе еще одного годовалого ребенка – на этот раз девочку. Ее имя, кроме покойных родителей, никому не было известно, от чего Элиза, недолго думая, назвала ее в честь бабушки Гертой.

Родители Альберта пропали из жизни семьи фон Дерихт, стоило ребенку появиться на свет. Они испугались внезапной ответственности, осознание которой упало на плечи в самый последний момент и следующей же ночью сбежали, по некоторым слухам, в Долину Лета. Так, из жизни Элизы навсегда ушел родной, единственный сын, которого после этого случая, она ни разу не видела.

Однако, несмотря на внутренние признаки приходящей старости и шлейфом влекущие за собой сложности справляться в одиночку с двумя малышами, – бабушка Лиза не жаловалась, вкладывая в детей всю свою любовь. А добропорядочные жители Беллуно, увидев ее самоотверженность, стали приносить различные мелочные вещи – кто сколько мог или хотел. В основном эта была еда и одежда для детишек, но порой на пороге дома появлялись и всякие безделушки наподобие жестяного барабана от кузнеца или же деревянной рогатки от плотника. Одновременно с этим Элизе серьезно помогали управители, когда-то давно взявшие ее под опеку. Также как она приютила Герту – власти – приютили ее, и, в качестве дани уважения к семье фон Дерихт за заслуги перед городом в далеком прошлом, гарантировали постоянную материальную независимость.

Так они и начали жить втроем – бойкая бабушка Лиза, ее любимый внук Альберт и приемная, ставшая сразу как родная – милая с рыжеватыми, курчавыми волосами девочка Герта. Позднее к этой дружной семье присоединился маленький, пушистый щеночек, которого Элиза вежливо попросила у господ Бруденных с самого начала Илистой улицы. Их собственная собака на днях дала потомство, требующее добрых и заботливых рук и лучшей компании для двух жизнерадостных, активно познающих детей было не найти. Щенка долго думая в конечном итоге весело прозвали Шнобелем из-за не совсем правильной пропорции морды. Шнобель был из такого типа псов, о которых обычно говорят: «задиристая мышь», а затем, осознавая легкий налет грубиянства в своих высказываниях, поспешно добавляют: «не обижайся, моська, мы же любя». Право, небольшие габариты не мешали Шнобелю заполнять любое пространство своей шерстью, добром и лучезарной преданностью.

Не уступая долгожительству Осенних людей – представители все той же животной, но уже менее разумной фауны – беспечно существовали на протяжении многих годов, от чего в Долине Осени дикая жизнь была переполнена, не создавая при этом угрозы для флоры из-за чуткого контроля самой Матери-Природы. Для домашних животных все было еще более радужно, позволяя лет в среднем пятьдесят-шестьдесят хозяевам и их братьям меньшим успешно продолжать друг друга радовать и морально поддерживать.

Однако интереснейшая особенность, вызванная долгой продолжительностью жизни, заключалась все же в отсутствии кладбища. В этом смысле Осенние люди были прагматиками и обладая таким природным явлением как Край, почти сразу же на момент основания Долины как таковой, они заложили в традиции прощальный ритуал с торжественным спуском по реке ушедших – множество людей специально пребывало в Беллуно только ради этой цели. Сбрасывать упокоившихся в бездну никто не хотел – это считалось не уважительным отношением и чем-то таким, чего никак не может быть содеяно с человеком Осени. Хоронить в земле претило еще сильнее, а впадающая в Край река была только у славного города. К тому же Осенние жители верили, что тела, отданные реке Долины – обязательно попадут в лучший мир, где за ними с заботой будут присматривать.

В последующем эта традиция коснулась и домашних животных. На первых порах многие спорили о таком решении, ссылаясь на то, что хозяева хотели бы навещать своих ушедших пушистых друзей, но сошлось все на нецелесообразности подобного кладбища – оно будет только занимать лишнее место, вгонять в беспросветную тоску всех прохожих и непременно оскорбит древнейшие традиции Долины Осени.

Время неумолимо шло, нет, оно бежало, и вместе с ним все без дополнительных шансов становились старше. Бабушка Лиза преодолела психологический порог в 300 лет, а Герта с Альбертом достигли того возраста, когда пред всеми молодыми людьми открывается мир любви и ее тайн, которые так жадно каждый старается разгадать. К этому моменту повзрослевшие дети поняли, что уже привязаны к друг другу эмоционально, и, несмотря на воспитание их как родных с первого дня объединения, Элиза все равно объяснила им – только они стали чуть смысленнее Шнобеля – их настоящие родственные связи. Поэтому юных открывателей любви не связывали никакие моральные узы, наоборот, они начали испытывать друг к другу чувства родственных душ в том понимании, что созданы они лишь друг для друга и все было предопределено изначально. Несомненно, любовь, их безоговорочно находившаяся в состоянии платонической, заполняла собой любое окружающее влюбленных пространство. И именно она раз за разом позволяла преодолевать различные трудности, позволив сначала Альберту с Гертой закончить обучение грамотности и прочим фундаментальным наукам, в обязательном порядке преподававшимся Осенним людям в единственной школе во всей Долине. А затем найти себе дальнейшее призвание, приходившееся по душе каждому из них.

В конечном счете влюбленные, после совещания с бабушкой, приняли совместное решение продолжать обучение, на этот раз уже на более высоком уровне. Герта устроилась в инсти-

тут знаний в другом городе, под странным названием Арзи, находившийся в получасе комфортной езды от Беллуно на паровозе, в утомительном часе на лошади и в пяти беспощадно потраченных часах пути пешком. Как и в случае школы, из-за продолжительного существования Осенних людей образовательная система в Долине была своеобразно и тонко настроена. Выражалось это в первую очередь ограниченным количеством учебных институтов, единицы которых были размещены всего в двух городах Долины.

Юная искательница высоких знаний нашла свое место в области изучения языков. Ей было безумно интересно узнать языковое отличие народов, выраженное в длительной прогрессии устройства Долин. В глубине души она чувствовала, возможно и немного самонадеянно, что, познав подобного рода тайны, она сможет искусно раскусить мироздание. Группа у Герты была всевозможно разнообразной, с удивительно смехотворным количеством сверстников – тут нашлось место достаточно взрослым людям и совсем пожилым, отчетливо выделялись любители покоя, изолирующие себя от остальной группы, и неутомимые активисты, в сердцах считающих любое общество без своего присутствия – скучным и бессмысленным. Учились в группе также и отъявленные грубияны, и излишне вежливые люди, мило просящие разрешения наподобие: «Позвольте чихнуть, мадам».

От такого контингента изначально столь уверенная в своем преуспевании Герта начала учебный год тяжело, со скрипом железных петель у дверей. Но она так или иначе оставалась довольна, встречая каждую трудность с улыбкой на лице, и, еще не разобравшись с предыдущей, начинала искать очередное препятствие. На первом году обучения, когда Герта только пыталась влиться в общее настроение группы, ей удалось подметить интересную особенность людей ее окружающих. По какой-то неведомой причине, каждый из одноклассников упрямо пытался выделиться из толпы, пытаясь одеться в как можно более яркие вещи. Оправдать странное поведение едва ли представлялось возможным, да и сами одноклассники вряд ли бы назвали истинные причины оказываемого лицедейства, но подобное имело место быть и продолжалось на протяжении доброй половины года обучения Герты на первом курсе. Ее, молодую девушку в самом расцвете сил, когда кажется, что весь мир открыт перед тобой, а сам ты непременно выгодно выделяешься на фоне остальных, – такого рода ситуация смущала. Герту раздражало от несправедливости, ударившей волной так резко о пристань ее наивности. Категорически решив, что отныне не хочет выделяться, она дала себе слово носить исключительно серое. Смирение пришло совершенно случайно, когда в один из дождливых дней Герта умудрилась испачкать все невзрачные вещи, не оставив себе выбора пойти на следующий день кроме как в чем-то цветном. На утро она долго не могла примириться с этой мыслью, в сердцах поругалась с Элизой и молча, в ярко-желтом вязанном свитере, шла рядом с непонимающим Альбертом. В тот день никто не обратил внимания, во что она была одета. Конечно, назвать подобный акт нельзя ничем иным, как ноткой юношеского максимализма, но на тот момент Герта думала совершенно о другом – она боролась с системой, приспособлялась к новому распорядку жизни, вникала в хитрые аспекты и с высоко поднятым носом – собирала истории, подобно этой, в свой жизненный портфолио, который только предстояло наполнить.

В свою очередь, пока Герта решила выбрать тропу института знаний, Альберт смог устроиться студентом-подмастерьем одного хорошо известного во всех Долинах профессора-ученого – Теобальда Бюрена, который по его собственным словам был *Persona grata*, с чем никто поспорить не мог, от части не понимая значения этих странных слов. Решению послужило стремление Альберта пойти по стопам своей бабушки, которой он всевозможно гордился, хоть и не придавал при ней вида. Теобальд человеком был достаточно необычным, начиная как минимум с места собственного проживания. Его подворье располагалось на ремесленной улице Витторио Венето, где постоянно царили шум, непроглядная грязь, а в добавок нестерпимо стояли отвратительные запахи. Профессор находился все время в путешествиях, собирая информацию, интересовавшую его для научных работ, и на данный момент уже как три года

местом его остановки служила Долина Осени и славный город Беллуно, в котором он решил пожить некоторое время для изучения феномена Края. Примечательно, что сам профессор был родом как раз-таки из Беллуно и именно поэтому, как только накопленные средства стали располагать к роскоши, Теобальд купил себе подворье, дабы иметь место для постоянного отдыха и одновременно лагерь подготовки к дальнейшим путешествиям.

Всю информацию Альберту намеками сообщила Элиза и он, долго не раздумывая, решил использовать шанс устроиться к профессору подмастерьем, получив ценную возможность впитывать знания изучая работы профессора, слушать его непрекращающееся ворчание и заниматься расфасовкой архивов, готовкой еды, уборкой и прочим, что может доверить высокого уровня профессор такому мальчишке – в награду за полезные навыки, некоторые деньги, бесценный опыт и знания.

III

Солнце, все так же плавно перетекая и окрашивая весь Край в яично-желтый, уверенно достигло своего положения, непременно обозначающее уже во второй раз начало дня, только на этот не для Долины Осени в целом, а для ее Осенних людей в частности. Густой туман начал постепенно рассеиваться, уступая место ясному и прозрачному как стекло пространству, оставляя после себя лишь небольшие улики, в качестве доказательства, что еще некоторое время назад он действительно был здесь и все было под его полномочиями. Мокрые из-за влаги тумана опавшие листья источали восхитительный, богатый и терпкий запах земли и перегноя, который подхватывал горный воздух и ответственно – как пчелы бережно доставляют пыльцу в свои ульи – разносил этот сладкий и одновременно с легкой горчинкой запах по всей Долине. Окружение постепенно нагревалось, лесные обитатели начинали активизироваться в полную силу и только Ундины, сегодня по-особому убаюкивающе мирно, продолжала прошивать ниткой долину насквозь, стремясь навстречу с неизвестностью, хотя и это было бы слишком лживым описанием, ведь стремилась она, как старики стремятся купить утренний, свежее испеченный хлеб. Начинало светать и вместе со всеми живыми механизмами природы запускался механизм жизни городской. Одновременно, словно артисты синхронных выступлений, улицы Беллуно стали, как сладкий и душистый мед тягуче обволакивает горло, заполняться жителями.

Независимо от статуса главного, самого большого, величественного, красивого, старого и развитого города в Долине Осени – Беллуно имел схожий темп жизни с остальными. Первыми, кто совершал действие в еще непроснувшемся городке, сонливость которого выдавалась в ветреной зевоте, оставлявшей слезы на глазах Долины – верные стражники, пусть и в небольшом количестве, существовавшие в качестве носителей трех основных функций: культурно-исторический пережиток прошлого, оставшийся после Великой войны; внутренний порядок, если кто-то из хулиганов решил бы совершить низкое дело; и защита от диких зверей, которые могли по совершенной случайности или же с совершенно определенными намерениями забрести в город, и которых приходилось в таком случае аккуратно отпугивать и отгонять. Среди всей этой системы стражников имелось разделение на некоторое количество дозоров и патрулей, привязанных к определенному времени и носивших название с ним связанное. Посему первое событие, происходившее в славном городе Беллуно – это смена ночного дозора и патруля утренним, что и символизировало начало работоспособности всего остального механизма городской жизни.

По общему счету стражники сменялись в течении дня четыре раза и, если у патрулей смена проходила непосредственно на улицах города, то дозоры чередовались уже на стенах старинного Замка – главного достояния каждого города Долины – с одной лишь оговоркой, что Замок в Беллуно, как и все остальное в этом славном месте, был более величественным и устрашающим, нежели шесть остальных. Находился он чуть поодаль от остального поселения, на возвышенности, в центре которой гордо стояло сердце Замка – неприступный донжон, на пол оборота прикрытый бездной Края. На пути к донжону, вошедшему непременно встречались могучие стены, толщиной в пять метров и представлявшие из себя два полукольца – одно из которых было непосредственно началом Замка, а второе ребром для его сердца. С интервалом в каждые десять метров на стенах, подобно пеньковым свечам, располагались сторожевые башни разных размеров и форм: от массивных квадратных до стройных округлых, являющихся смотровыми площадками для дозоров. Подле первых стен у Замка располагался ров – искусственное ответвление Ундины, проползающей чуть левее.

Фортификационное сооружение Беллуно построили давно, еще во времена основания города – в те дни шла Великая война между Долинами и надежные укрепления являлись

необходимостью. Война давно канула в лету, а Замок решили использовать в универсальных целях: как место заседания управителей, центр приема важных гостей и проведения балов, темница для заслуженных преступников и наблюдательный пункт для присмотра за окрестностями Долины и города.

И только после смены ночного дозора с патрулем на улицы Беллуно выходили все те, без кого полноценная жизнь не представлялась возможной, – виноградари, фермеры и пастухи начинали подтягиваться к своим тучным пажитям. Примерно в это же время на свое место выходили братья-мельники, известные благодаря двум исключительным фактам, с их профессией никак не связанным. Первый – следствие любой братской связи, предписывающей носить одну фамилию на двоих, – привлечший больше всего внимания к ним, из-за в меру сложного и в меру забавного произношения, а именно – Кабутерманнекины. Чаще всего из-за столь ломающей язык фамилии, которую правильно не мог произнести никто, ее без спроса делили на две части, давая одну половину – одному брату, а другую – второму, от чего впоследствии и получилось название «Мельница братьев Кабутера и Маннекина».

Вторая причина, подарившая братьям известность в Беллуно, заключалась в их привычке напевать одну и ту же песенку, по их словам, подслушанную у какого-то волка. Песенка оказалась невероятно въедливой и спустя пару недель многими подхваченной, вынуждая, без возможности выбросить ее из своей головы, продолжать напевать до конца рабочего дня:

Никому, никому не завидуем мы,
И никто не завидует нам.

Вслед за братьями-мельниками к мучной цепочке славного города присоединился новоиспеченный пекарь Вертер, который для своей профессии был еще достаточно юн, но уже не страдал от переживаний, присущих его возрасту, и, в отличие от братьев-мельников, справлялся со всем один. Его пекарня располагалась сразу же после мельницы, около полей, и чтобы добраться до нее, Вертеру было необходимо выйти из своего дома, стоявшего чуть выше площади города, пройти пару метров до Улицы Первой Королевы – самой широкой и протяженной улицы в Беллуно, – а затем дойти непосредственно до площади. После нее Вертера ожидал поворот направо, прямо к высокому мосту, пролежавшему над спокойной Ундиной. За мостом начиналась окраина города и дорога, уходящая сразу в три направления: налево, к железнодорожной станции; прямо, в редкие леса с проторенной дорогой к ближайшему к городу и направо, к разнообразным постройкам, среди которых были не только упомянутые «Мельница братьев Кабутера и Маннекина» и «Пекарня юного Вертера», но и небольшой склад общего назначения с различными трудовыми инструментами, а также домик, являющийся перевалочным пунктом между рабочими часами и часами отдыха.

За фермерским домиком, по виду в некоторой степени походившим больше на сарай, расположились обширные, вечно источающие резкий сладкий аромат виноградники. Стройные ряды кустов привлекали любопытных насекомых и непослушных мальчишек, прибегающих для очередного воровства сладких ягод. Приторный запах опьяняюще бил в нос, настраивая фермеров на нужный лад. Виноградники занимали почти все место под посевы, скромно оставляя кусочек земли пшенице и некоторым другим зерновым, по большей степени для пропитания скота. Сразу же после виноградника и участка зерновых, буквально через тропинку шириной в несколько человеческих ступней, выступала в полтора метра высотой жердевая изгородь, огораживающая левады. Лошади единственные удостаивались моциона вблизи города, в то время как остальным животным место отводилось у горных пажитей.

Финальным рубежом Беллуно по эту сторону реки считался большой, протяженный по всей ширине левады скотный двор – место очень важное и, не смотря на простое предназначение, невероятно красивое, особенно в моменты закатов. В эти минуты жители Беллуно – от озорных детишек до влюбленных пар – забираются на высокую, размером с замковую, водо-

напорную башню томатного цвета, стоящую правее от скотного двора, и созерцают неопишущую красоту простирающегося перед ними славного города, его окрестностей и непроглядной бездной Края, окрашенной в приглушенные цвета уходящего солнца.

А Вертер, пекарь, о котором мы совсем забыли закончить повествование, преодолев весь этот живописный путь, каждый раз торжественно и с гордым видом входил в свою маленькую пекарню, носившую изначально, еще до его прихода, совершенно другое название, по мнению многих шибко интереснее – «Янтарная блажь». Вертер же был завистливым малым и постоянно раздражался, проходя мимо мельницы, носящей фамилию двух братьев. От этого наш юный пекарь не один год выбивал новое название для своего деревянного детища, еженедельно напрашиваясь к управителям города в Замок, и в конечном итоге добился своего. Воспользовавшись непременно заслуженным за настойчивость правом назвать свою пекарню по-новому, так, как он хочет, с соблюдением, конечно же, всех прав и норм морали, – Вертер, еще питаясь юношеской завистью, назвал ее самым простым вариантом, который для него казался единственно верным – «Пекарня юного Вертера». После этого случая наш выпечки дел мастер, не изменяя привычки, входил в свою пекарню торжественно и с гордым видом, ощущая чувство победы над невидимым противником, очевидным только ему.

Как только виноградари, фермеры, пастухи, братья Кабутерманнекины и Вертер занимали свои рабочие места и настраивались на предстоящий день, с разницей в пару минут, следующей доминошной костяшкой в этой педантично вертикально-выстроенной цепи, становились и другие важные представители осуществления жизни Беллуно, подтягиваясь к своим рабочим местам. Лавочники вместе со своими помощниками, носильщики, различные мастеровитые ремесленники: шелкопрядения, плетения, кожевенного ремесла, кузнец, плотник и другие имеющие отношение к производственной системе города. Во всю начинали работать железнодорожные пути, запуская будто артерии по телу, непрерывное передвижение по всей Долине Осени, изобилующее к утру свежими торговыми поставками.

И лишь через пару часов, когда утренний дозор с патрулем успевал насчитать не один десяток оленей, на время и по ошибке выбегающих из чащобы; когда подходила к концу культивация первых кустов и посевов, скот достигал места выгулки, а пекарь, мельники, ремесленники, торговцы и их подмастерья уже успевали начать производственную цепь, наполняя свои лавки первыми товарами, в это же время день начинался в третий раз – уже для всех остальных жителей Беллуно.

Семья фон Дерихт входила в их число. После поступления Герты в институт знаний в Арзи и Альберта студентом-подмастерьем к профессору Теобальду прошло насыщенных полтора года. Упорная девушка преодолела свои проблемы и на данный момент скорее дружила, нежели враждовала с каждым из своей группы. Профессор Бюрен затянул свои исследования и все это время продолжал изучать феномен Края, от чего у Альберта была постоянная работа и он вошел в амплуа полноценного ученика. Постаревшая еще сильнее Элиза все также продолжала заниматься делами по дому, иногда поддерживая связь с влиятельными друзьями из Замка. Хотя ее жизнь, по сравнению с внуками, и поддалась изменениям в наименьшей степени, в ней за эти полтора года все-таки произошло небольшое изменение – Элиза решила посадить на заднем дворе дома саженец липки. Она не задумываясь сделала это – сразу же после того, как Альберт и Герта смогли окончательно определиться с будущим, и направили себя в дальнейшие русла – посчитав это важным событием, стоящим того, чтобы его как-то запечатлеть. Поэтому она посадила маленькую липу, окружила ее таким же миниатюрным деревянным ограждением из толстых палок, переплетенных бечевкой и периодически в течение дня выходила, чтобы стоять, угрюмо согнувшись в плечах, и наблюдать за ростом маленького деревца, которое не пережило толком ничего, но в которое было вложено так много. Совсем не поменялась жизнь только у вечно жизнерадостного, все такого же незаметного комочка глупой шерсти – Шнобеля. Он ежедневно, весело виляя своим хвостом, сте-

пенно ожидал очередных прогулок, издавая звонкие лающие звуки и одновременно совершая головокружительные обороты вокруг своей оси.

Сегодняшний солнечный и обволакивающе теплый день не был исключением из этих, так мимолетно пролетевших, полутора лет, от чего все, уже следуя своему точному графику и поставленной мышечной памяти – медленно начали вписываться в темп пробудившегося города.

Они бодро проснулись и начали быстро собираться. Элиза встала как обычно намного раньше остальных, и, пока внуки только готовились прибирать смятые постели, умывать свои слегка отекавшие после ночи лица, принимать душ и одеваться – Элиза к этому времени успела дойти до «Пекарни юного Вертера», купить там свежее испеченный, еще горячий пшеничный хлеб с кедровыми орехами на пару с Беллунским граубротом, отличительная изюминка которого была в добавлении к серому хлебу семян тыквы и специй из душистых семян кориандра и тмина. По приходу домой Элиза спешно помыла руки, выложила на стол мягкий и воздушный, словно хорошо взбитая подушка, хлеб и во всю приступила готовить один из своих коронных завтраков, который она делала чуть ли не каждый день.

Для начала старушка достала медный чайничек с потрескавшейся деревянной ручкой, аккуратно протерла его и поставила подле плиты. Затем, из того же ящичка, из которого она достала чайничек, она взяла кофий, врученный друзьями и привозившийся ими периодически из Долины Лета. Элиза насыпала зерна так, чтобы их хватило по крепости напитка ровно на троих и приступила к их перемалыванию. Засыпав полученный перемолотый кофейный порошок в чайничек, она добавила к нему немного сахара и щепотку соли для раскрытия вкуса и усиления аромата. Далее следовало добавление мягкой воды, собранной из родника, находившегося на заднем дворе дома. И лишь после всех махинаций, Элиза поставила чайничек на огонь в печь, предварительно ее распалив и, пока кофий начинал медленно прогреваться, она наконец приступила к готовке других, не менее важных атрибутов, своего коронного завтрака.

Она отрезала от свежкупленного пшеничного хлеба шесть кусочков – по два на каждого члена семьи, не считая собаки. Его корочка хрустела, но при этом внутри хлеб был невообразимо мягким. Единственно верным штрихом, имевшим возможность дополнить мучную симфонию оставалось жирное сливочное масло, заботливо нанесенное на каждый ломтик. В комнате начинало пахнуть карамельным запахом кофий. Элиза слегка приоткрыла окно, дабы выпустить наружу всю духоту, от чего к запаху готовящегося напитка, прибавился утренний, свежий, с нотками дерева, грибов, реки и чернозема, запах воздуха.

Тем временем бабушка Лиза перешла к следующему блюду, для чего понадобилось три куриных яйца. Она налила воду в кастрюльку и, поставив рядом с варящимся кофе, бросила туда необходимые ингредиенты. Со второго этажа дома отчетливо пробивался звук льющейся воды – Альберт или Герта только сейчас добрались до душа.

Покамест яйца и кофе медленно достигали готовой кондиции, Элиза взялась за последнюю часть сытного завтрака – мясные колбаски. Взяв сковородку и смазав ее на этот раз растительным маслом, она поставила ее вместе с колбасками на плиту – по сути своей, вторую печку, меньшую в размерах и предназначенную исключительно для готовки. К сие моменту подошла пора снятия пенки с чайничка – сразу же сняв его с огня, Элиза подождала, когда напиток уменьшится в объеме, а пенка осядет. Затем снова поставила его в печь и повторяла, пока счетчик не дошел до заветной цифры три. Тогда она окончательно вытащила чайничек и влила в него чайную ложку ледяной, родниковой воды.

И только после напряженного ритуального приготовления с поражающими воображение деталями бабушка Лиза взяла старинный кофейник и перелила туда приготовленный напиток, затем поставив на стол вместе с тремя фарфоровыми чашками, одна из которых была слегка сбита у каемки. Хлеб, смиренно ожидавший с момента нанесения масла на кухонной тумбе, был также перенесен на стол. При этом Элизе приходилось постоянно думать об аппетитно

скворчащих колбасках, то и дело переворачивая их. Звук душа наверху временно прекратился, но лишь затем, чтобы с новой силой продолжиться – в ванную пошел кто-то второй, а в одной из комнат загрохотали шкафы и тумбочки.

Заметно уставшая Элиза сняла кастрюльку с яйцами, вытащив их – дабы не обжечься – с помощью специального приспособления, и филигранно поставила каждое в серебряные папютницы, каждую к своей чашке. Настало время для финального аккорда – мясных колбасок. Старушка ловким движением вилки и ножа, не протыкая их, чтобы сок оставался внутри, переложила все три на общую тарелку, на этот раз поставив ее возле кофейника по центру. Дело оставалось за малым. На кухне уже во всю хозяйничали неподвластные самому красноречивому поэту запахи готовки: пряные ароматы мяса, карамельно-сладкие нотки кофья, еле слышимый во всем этом многообразии запах варенных яиц – дом начинал играть новыми красками. Ко всему торжеству ароматов вежливо вписывался запах благородного дерева – дом начинал прогреваться от солнца. А финальной точкой – словно капли лимона на приготовленную рыбу – была свежесть реки, протекавшей буквально через пару метров от окна. Элиза достала серебряные приборы, творог и две стеклянные банки, липкие по бокам – одну с душистым медом, а другую с ежевичным вареньем.

Все было готово к трапезе, поэтому Элиза, как обычно, загоняв себя и устав уже под начало дня, села на стул, и направив свою голову в сторону лестницы на второй этаж, откуда уже не доносились никакие бытовые звуки, кроме неразборчивого разговора, громко, предвительно набрав полные легкие, крикнула:

– Завтрак!

С небольшой задержкой Альберт с Гертой появились на лестнице и, по всей видимости, продолжали дискуссию, начавшуюся еще после умывания, о каком-то предстоящем театральном событии, в скором времени должным проходить на главной площади, и давно необходимым наличием отдельного для таких мероприятий здания. По планировке дома лестница у семьи Элизы была прямая, белесая с желтовато-красным оттенком, сделанная из дуба. Она была богато отделана косоурными балками с перилами и балясинами, на каждой из которых красовалась гравюра герба Беллуно – щит синего цвета с двумя, пересекающимися друг друга по центру желтыми линиями, сверху на которых горделиво стояли два дракона-змея. Сверху над щитом ореолом возвышался Замок Беллуно, а снизу всю это картину опоясывали две веточки местных деревьев – рябины и дуба – перевязанные ленточкой, символизировавшей устоявшийся мир. Весь остальной дом, состоящий из нескольких коридоров, прихожей и восьми комнат, среди которых было три спальни, две гостиные, кухня, обеденная и ванная, были отделаны в богатой манере с высокими потолками, в очередной раз подчеркивая значимость семьи фон Дерихт и заслуг ее предков перед славным городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.